

© Н. П. Крадин, А. М. Решетов

Н.Л. КОЩЕВСКИЙ И С.М. ШИРОКОГОРОВ: ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО В КИТАЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Сотни и тысячи русских людей, оказавшиеся в эмигрантском изгнании, испытали на себе не только невзгоды, но и разлуку с родиной. Среди них оказалось немало деятелей культуры, науки и искусства. Многие годы Россия ничего не знала о своих изгнанниках, и только перемены, произошедшие в 1990-е годы, позволяют нам сегодня возвращать имена соотечественников в науку, искусство и культуру. Занимаясь исследованием материалов и документов об эмиграции, мы выявляем иногда фамилии людей удивительных, сделавших в науке, искусстве, литературе или какой-либо другой сфере много не просто полезного, но и чрезвычайно важного.

Среди подобных личностей – ученый-антрополог Сергей Михайлович Широкогоров, ставший известным своими трудами еще в предреволюционные годы. К изучению его творческого наследия сегодня обращаются многие исследователи, но, к сожалению, большинство его работ, написанных в китайской эмиграции, оказались утраченными. Тем большую ценность приобретают любые сведения о нем, которые удастся отыскать в эмигрантской периодической печати, а также в архивных материалах. Для исследователей большую ценность представляет любая информация о Широкогорове – чем он занимался в Пекине, с кем сотрудничал, какие люди его окружали. Из некоторых архивных материалов удалось выяснить, что на протяжении многих лет его помощником, другом и товарищем был русский художник Николай Лонгинович Кощевский (1901–1966). Благодаря архивным поискам и встрече с дочерью этого художника, живущей в Санкт-Петербурге, нам удалось собрать об этом незаурядном человеке достаточно сведений, открывающих новые штрихи из жизни Широкогорова. В семье наследников сохранились многочисленные работы художника, а также фотографии членов семьи периода пребывания в Китае, в том числе и фотоизображения Сергея Михайловича и Елизаветы Николаевны Широкогоровых. Найденные материалы и воспоминания дочери художника Натальи Николаевны подтверждают факт многолетнего творческого сотрудничества и теплых дружеских взаимоотношений Широкогоровых и Кощевских.

Судя по архивному документу (ГАХК), знакомство, а затем и начало сотрудничества художника и ученого-антрополога произошло "в 1933 г. в Пекине, где С.М. Широкогоров состоял профессором по своим предметам при Университете". Об этом Николай Кощевский упоминает в своем письме на имя председателя Антимонополистического комитета в Тяньцзине, обеспокоенный судьбой научного архива Сергея Михайловича Широкогорова, узнав о смерти его супруги в конце 1943 г. Подробнее об этом письме – несколько ниже, а пока следует обратить внимание еще на одного человека, который был хорошо знаком с Широкогоровыми в период начиная с 1910-х годов.

После смерти Широкогорова в китайской печати стали появляться заметки о нем и его деятельности. Так, в годовщину его смерти некто Б.Б. Гуревич¹ поделился с читателями харбинской газеты "Заря" своими воспоминаниями о встрече и знакомстве со знаменитым ученым еще до революции. Вот что было написано в его воспоминаниях:

Это было в 1914 году. Я находился тогда на китайской стороне Амура, в поселке Восьмын, против станции Черняево², куда приехал для ревизии нашего отделения. Как сейчас

Николай Петрович Крадин – заслуженный архитектор России, доктор архитектуры, профессор, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (г. Хабаровск).

Александр Михайлович Решетов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

помню, выйдя из своего домишки, я заметил, что с одной из сопок к поселку спускается небольшая отряд, состоящий из нескольких вьючных лошадей и сопровождаемый казаками. Я заинтересовался этим обстоятельством, удивленный тем, откуда на китайской стороне могли взяться русские казаки.

Вскоре отряд уже втянулся в поселок, а еще через несколько минут передо мной оказался высокий, худой, давно не бритый молодой блондин в черной кожаной, сильно запыленной тужурке. "Скажите, пожалуйста, как называется этот поселок", – приветливо поздоровавшись, обратился ко мне незнакомец. Получив нужные сведения, молодой человек поинтересовался, где живет старшина, так как ему и его отряду нужно было помещение для жилья.

В это время к нам подошла дама в мужском кожаном костюме, которую он представил мне как свою жену, и тут я узнал, что передо мной известный русский ученый С.М. Широкогоров, который возглавляет экспедицию, снаряженную Российской Императорской Академией наук для изучения быта тунгусов и орочен.

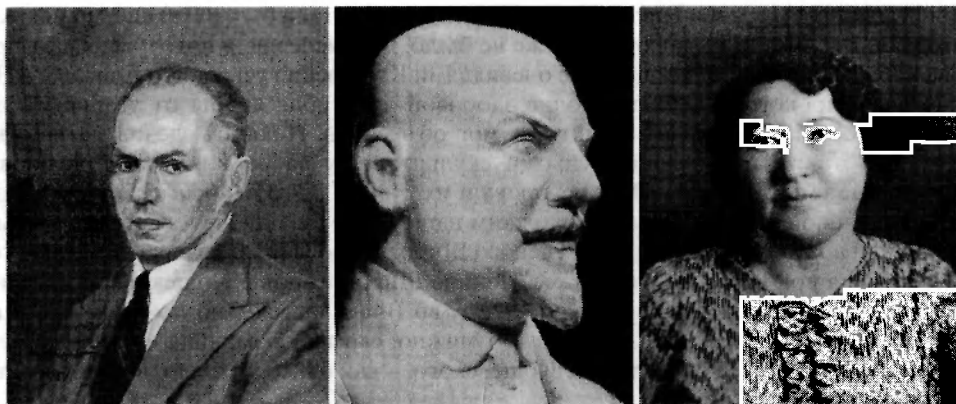
Старшина не смог найти подходящего помещения, и я предложил профессору две комнатки у себя, а отряд расположить во дворе, что было с радостью и благодарностью принято. Под одной крышей с профес. С.М. Широкогоровым и его супругой я прожил полтора месяца, которые никогда не изгладятся из моей памяти. Вся работа профессора проходила у меня на глазах – он работал по 18 часов в сутки и очень часто, например, в приведении в порядок путевого журнала, ему помогала его супруга, исполнявшая роль секретарши.

Видя непрерывную тяжелую работу профессора, я тогда уже с сожалением подумал, что надолго его не хватит. Эта жуткая мысль, по-видимому, часто закрадывалась и в сердце его супруги, так как я неоднократно слышал, как Елизавета Николаевна упрашивала мужа прервать работу и погулять, но профессора очень редко удавалось оторвать от занятий. Во время его редких прогулок иногда принимал участие и я. Профес. С.М. Широкогоров неизменно всегда был в хорошем настроении и очень много рассказывал интересного из своих наблюдений. Своими рассказами профессор меня совершенно очаровал, и когда мне нужно было раньше уезжать в Сахалин, я не мог дождаться, когда снова встречу с ним.

Когда Сергей Михайлович закончил свои труды и, расформировав отряд, приехал в Сахалин, не было ни одного вечера, чтобы я не бывал у моих хороших друзей. И вот сейчас я с болью в сердце ощущаю, что не стало дорогого профессора С.М. Широкогорова, не стало настоящего русского человека, человека доброй души, отзывчивого, одаренного гениальностью большого ученого, который всю свою жизнь отдал на пользу человечеству.

Пусть же чужая земля будет тебе пухом, дорогой Сергей Михайлович. Супруга проф. С.М. Широкогорова, Елизавета Николаевна, находится сейчас в Пекине, состоя профессором Пекинского национального института по классу рояля. В своем письме ко мне она пишет, что проф. Широкогоров в течение жизни выпустил 50 печатных трудов, изданных на 4 языках, и оставил ряд приготовленных к печати и большое количество материалов. "Теперь, – пишет Е.Н. Широкогорова, – на мне лежит долг сохранить и опубликовать его неизданные труды. Еще за несколько лет до своей кончины он говорил мне, что это будет моей обязанностью, и готовил меня к выполнению этого трудного дела. Я всегда сотрудничала во всех работах С.М., что и дает мне теперь возможность продолжать незавершенное дело, и я верю, что судьба не отвернется от меня и будет мне послана возможность осуществить мое задание" (*Гуревич* 1940).

Как оказалось, Елизавете Николаевне судьба отпустила немного времени – спустя четыре года после смерти мужа не стало и ее. О ее смерти, разумеется, услышал и Николай Кощевский, близко знавший семью Широкогоровых. Желая хоть как-то способствовать спасению научного наследия ученого, он и написал письмо с просьбой разрешить ему доступ к оставшемуся архиву. В письме Кощевский излагает не только историю своего знакомства с ученым-антропологом, но и некоторые подробности взаимоотношений с ним. Обратимся к этому сохранившемуся архивному документу (ГАХК):

Слева: Н.Л. Кощевский. Автопортрет (Сидней, 1951). *В центре:* Бюст С.М. Широкогорова (автор – Н.Л. Кощевский, 1930-е годы). *Справа:* Е.Н. Широгорова (1930-е годы).

В Пекине, в пригородной местности Помочан, 23 ноября 1943 г. скончалась Елизавета Николаевна Широкогорова – жена известного русского ученого, антрополога, этнографа и социолога, который умер 4 года тому назад – 19 октября 1939 г. С этими замечательными людьми мы познакомились в 1933 г. в Пекине, где С.М. Широкогоров состоял профессором по своим предметам при Университете Цзхин-Хуа³. Нас сблизили общие интересы, так как я изучал как художник-портретист китайскую френологию, что импонировало профессору как этнографу и антропологу. Так незаметно я сделался его сотрудником. Мы вместе с ним ездили за город в солдатские казармы, где изучали пропорции фигур, голов, зарисовывались мной отдельные расовые черты и анализировались цвета кожи. Весь этот материал должен войти в огромную книгу "Этнография и антропология Северного Китая". Труд этот почти закончен, но еще не издан. Кроме этого, моей кисти принадлежит ряд китайских портретов антропологического значения, картины этнографического содержания и много других предметов, находящихся у них в квартире.

Там же находятся мои скульптурные работы. Елизавета Николаевна была озабочена сооружением памятника своему гениальному мужу. Для этой цели мною изваян бюст покойного профессора. Наше сотрудничество прервалось трагической смертью Елизаветы Николаевны более чем неожиданно.

Кроме всего изложенного, между нами была очень большая переписка, свидетельствующая об исключительном отношении и взаимной моральной поддержке. Эта переписка может подтвердить, что мы являемся единственными близкими людьми семьи Широкогоровых.

Главной заботой Елизаветы Николаевны было издание трудов Сергея Михайловича, и многое ей удалось осуществить благодаря ее исключительной энергии. Так, она закончила первый том "Ethnology", который выразился в 230000 словах, затем работы над вторым томом, еще более интересным и глубоким, две книги переведены и изданы на японском языке⁴ – "Social organization of the Manchus" и "Social organization of the Northern Tungus", и последнее время работала над биографией своего замечательного мужа для Токио, выпущена в свет ее маленькая книжечка "Педаля", и намечался самый большой труд "Северный Китай", о котором я упоминал выше.

Мой моральный долг – предложить оградить все духовные ценности и по мере моих сил продолжать незаконченное дело Елизаветы Николаевны, как я обещал ей лично. Осуществить ее просьбу, а также сооружение памятника я считаю своей обязанностью.

Прошу поддержать мои намерения, так как меня очень беспокоит судьба ученых трудов, в которых и я принимал участие.

Из документов не известно, получил ли разрешение Кощевский и был ли он допущен к оставшимся после смерти Широкогоровых материалам. Судя по рассказам до-

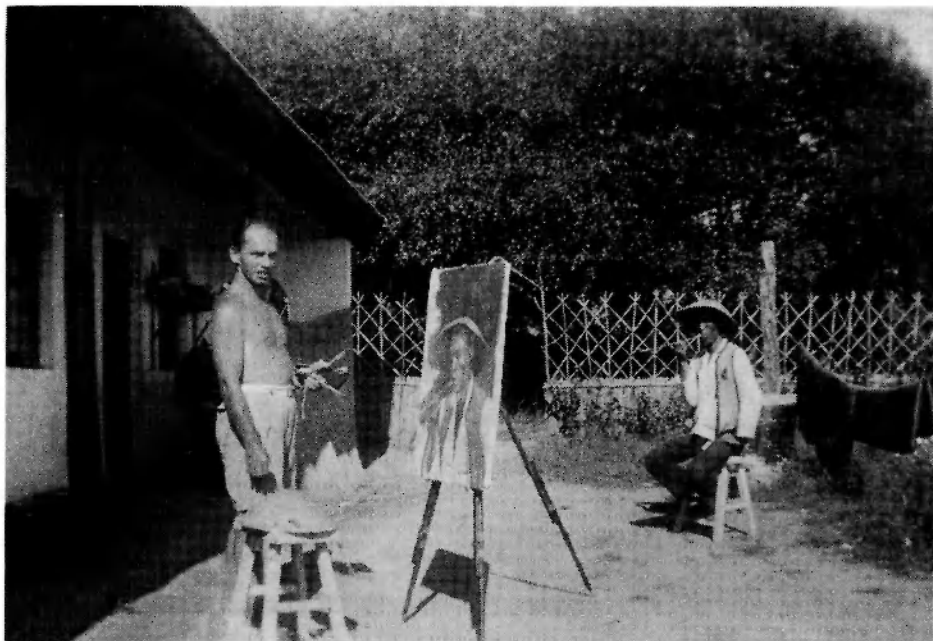
чери художника Натальи Николаевны, Кощевский все-таки был в Пекине, но никаких материалов в доме Широкогоровых уже не было. Они исчезли, и подозрения в их пропаже пали на японцев. Из общения с очевидцами Кощевский узнал, что Елизавета Николаевна Широкогорова была вполне здоровой и погибла якобы от угарного газа. Как все это могло произойти, никто не мог объяснить. Никаких следов материалов ученого, а также своих живописных и скульптурных работ Николай Лонгинович отыскать не смог. Архивы Широкогорова и их судьба – это особый разговор и тема отдельной статьи, мы же продолжим наше исследование человеческих взаимоотношений в китайской эмиграции ученого Широкогорова и художника Кощевского.

Наверняка при встречах и беседах в Пекине Широкогоров и Кощевский вспоминали о том, что оба они находились до 1922 г. во Владивостоке, но познакомиться им пришлось лишь в 1933 г. в эмиграции. Возможно, сказалась разница в возрасте, ведь Широкогоров был на 14 лет старше Кощевского, – как бы то ни было, во Владивостоке их пути не пересеклись.

Николай Лонгинович Кощевский (1901–1966) был родом из Армавира, в котором ему пришлось пожить всего три года. В 1904 г. в поисках лучшей доли родители отправились на Дальний Восток и обосновались в станице Гродековской, где отец открыл собственную шорно-сапожную мастерскую. С 1910 г. Николай стал учиться в начальной школе Владивостока, но с 12 лет из-за материальных трудностей в семье был вынужден подрабатывать в типографии местной газеты "Далекая окраина". Тем не менее начальную школу он окончил и продолжил образование в высшем начальном училище, а затем и в гимназии, обучение в которой завершил в 1918 г. Мобилизованный в армию Колчака, Николай прослужил около четырех месяцев и был освобожден по льготе 1-го разряда как имевший незаурядные художественные способности. В течение двух лет (1920–1922) он посещал курсы по рисунку и живописи в творческой студии художника В.А. Баталова во Владивостоке, работая в эти же годы помощником декоратора в городском театре "Золотой Рог".

Осенью 1922 г. из Владивостока начался массовый исход населения в Китай. Используя слабость охраны границы, Николай смог ее перейти недалеко от Гродеково и перебраться в Маньчжурию. Оказавшись в Тяньцзине и не имея пока еще сколько-нибудь серьезной профессии, он не оставлял мысли продолжить свое художественное образование. И тут помог случай. Жившая в Харбине его сестра в 1924 г. выиграла в лотерею две тысячи рублей и помогла отправиться брату во Францию для продолжения образования. Пребывание в течение шести лет в Европе, обучение в "Академии Жульен" у известных профессоров дало свои результаты. Все эти годы Кощевский осваивал не только рисунок и живопись, но занимался также скульптурой и изучал архитектуру. Всесторонняя подготовка позволила ему пройти в Париже основательную школу. Кощевский участвовал в выставках, в том числе в Салоне голландских мастеров в Амстердаме, где некоторые из его работ были приобретены амстердамским музеем "Новое искусство". Знакомство с художниками и другими деятелями русской культуры, буквально наводнившими Францию в то время, помогало налаживать контакты и иметь заказы на творческую работу. Принимая активное участие в жизни русской эмигрантской общины, Кощевский вступил в члены религиозной организации "Икона", занимавшейся изучением русских древностей. Он познакомился в Париже с великим русским писателем Иваном Алексеевичем Бунинным, написал его портрет. Во время сеансов художник и писатель много говорили о судьбе России, мечтали вернуться на Родину (Тропанова 1964: 61).

В Китай Николай Кощевский вернулся в 1931 г., сначала в Тяньцзинь, где познакомился с архитектором-художником П.Ф. Федоровским (тоже, кстати, в 1918–1922 гг. жившим во Владивостоке), а спустя год переехал в Пекин. Рассказывая об этом периоде своей жизни и о пристрастиях в творчестве, Кощевский отмечал следующее: "В живописи меня больше всего интересуют типы, портреты. При этом особенно ин-

Н.Л. Коцевский за работой во дворе дома (1938 г.).

тересовали меня типы Востока, может быть, потому, что сам я родился на Кавказе. Для изучения восточных типов я и приехал из Европы в Пекин, где проработал семь с половиной лет, преподавая в академии. Чтобы иметь возможность лучше классифицировать китайские типы, я изучал под руководством профессора Широкогорова антропологию и собрал хороший художественный материал, с которым и думал возвратиться в Европу. Но после моих выставок в Шанхае, Тяньцзине и Дайрене весь материал этот оказался раскупленным, так что мне, в сущности, пришлось начинать с начала" (Заря 1942).

Под влиянием Коцевского живописью увлеклась и его супруга Александра Брониславовна, тоже попавшая в эмиграцию из Владивостока, где она работала учительницей. Занимаясь творчеством, Коцевский не порывал и с преподаванием. Имея частное ателье, в Пекине он еще и преподавал рисунок и живопись в частной китайской академии. В семье его дочери сохранилась фотография, на которой художник изображен во дворе академии со своим классом, состоящим из одних только китайских девушек. Жизнь в Пекине была насыщенной – занятия со студентами сменялись изучением антропологии и беседами с Широкогоровым, отдых часто совмещался с работой на пленэре – непосредственно во дворе Коцевский занимался лепкой, писал портреты китайцев, кого-нибудь из членов семьи или знакомых. Здесь же отдыхали и друзья. На одном из снимков Широкогоров изображен сидящим во дворе в кресле с дочерью Коцевских на коленях. Не имея собственных детей, Широкогоровы часто проводили время досуга в общении с детьми своих знакомых или друзей.

Перебравшись после смерти Широкогорова в Дайрен, Коцевский и там стал преподавать рисунок и живопись в Российской гимназии. Буквально за короткое время художник создал в Дайрене целый ряд произведений, ставших основой большой персональной выставки, организованной в сентябре 1940 г. На выставке были представлены 74 работы, большинство из которых составляли портреты. Среди них – портрет атамана Г.М. Семенова, портрет японки с ребенком, портреты жены и дочери, а так-

Птицелов (акварель; автор – Н.Л. Кошевский).

же портрет самой красивой девушки Дайрена. Местная пресса восторженно отмечала успех выставки, о ней сообщалось и в харбинской печати: «Выставка картин худ. Н.Л. Кошевского очень красочна. Есть такие ценные полотна, как портрет Бетховена, портрет жены художника, чудесная картина, похожая на акварель, изображающая малолетнюю дочь художника и т.д. Красочны пейзажи Пекина и его окрестностей – среди них есть несколько очень сильных картин. Запоминается "Истина" – с лицом Христа, картина на сюжет ночного предгрозового моря... Перечислить все удачные полотна трудно. Среди них занимают (чуть ли не одно из первых мест) замечательные портреты китайцев – они настолько выпуклы и талантливы, что некоторые из них хочется назвать шедеврами» (Заря 1940а). Автор заметки, отмечая особую работоспособность и основательную школу художника, обратил внимание на то, что у "Н.Л. Кошевского есть ко всему этому и то, чему научиться нельзя, а с чем нужно родиться – у него большое художественное дарование и чутье, и ему есть что сказать красками" (Там же).

Выставки работ художника с успехом проходили в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и Дайрене. Особый интерес в Дайрене вызвала одна из работ Кошевского, связанная с празднованием 2600-летия Ниппонской Империи. К этому юбилею русской эмигрантской диаспорой художнику было поручено написать живописное полотно – символическую картину, которую предполагалось преподнести японцам в знак благодарности и гостеприимства. Кошевский создал картину с изображением двух витязей – ниппонского самурая и русского богатыря в дружеском рукопожатии. Фигуры были выполнены на фоне Восходящего Солнца и корабля, доставившего русского богатыря к берегам Японии. Атаманом Семеновым картина была отправлена через японскую военную миссию в Токио, где ее осматривало и оценивало специальное жюри. Комиссия признала огромную ценность картины и высказала мнение, что полотно может быть помещено в Императорском дворце в Токио. Это событие широко освещалось в токийской и дайренской прессе; вместе с репродукцией картины в газетах печатались

портреты художника Кощевского и атамана Семенова. Не оставила без внимания данное событие и популярная харбинская газета "Заря", отметившая: "Было бы желательно, чтобы талантливый художник устроил выставку своих картин и в Харбине, который оказался в данном случае обойденным" (Заря 1940б).

В своем творчестве Николай Кощевский отдавал предпочтение портрету. Он с большим интересом писал китайцев, всякий раз выбирая разные их типы. Именно это прежде всего и привлекло внимание антрополога Широкогорова. Ученый планировал портретами, созданными Кощевским, иллюстрировать свои научные труды. В семейном архиве дочери художника сохранилась записка к Кощевскому (датированная 16 мая 1935 г. и написанная собственноручно Широкогоровым), наглядно подтверждающая факт их творческого сотрудничества и большой дружбы: "Многоуважаемый Николай Лонгинович! Спешу сообщить, что в субботу (18/V) похода на казармы не будет. Ввиду того, что часть закончена, работа переносится в город. Материал для Вас после выбора Вашего и нашего можно будет получить и в Thing Hue. Это, однако, не значит, что Вы не должны приезжать в субботу. Если Вы хотите провести с нами время и б. м. выбрать, кого писать (из числа солдат), то мы будем рады Вас видеть. Наш общий привет Вам и Александре Брониславовне. Искренне преданный Ваш С. Широкогоров".

Успехи Кощевского в портретной живописи неоднократно отмечались на многих выставках в самых разных городах Китая – в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Дайрене, – начиная с первых лет после его возвращения из Парижа и до отъезда в Австралию. Например, в 1930-х годах его персональные выставки устраивались ежегодно, и на каждой из них художник выставлял от 50 до 80 работ. Большинство его работ можно было разделить на две основные группы – это портреты и пейзажи с видами исторических мест Пекина. Причем ни в каких из этих произведений, как отмечалось в рецензиях и отзывах, не наблюдалось однообразия. В пейзажах, особенно осенних, художник мастерски передавал настроение, в них чувствовалось "золото пекинской осени, с ее необыкновенной кристальной прозрачностью, глубиной перспективы, четкостью контуров". В его работах легко было понять время года или состояние изображаемого пейзажа – был ли запечатлен момент перед дождем или после дождя, в солнечный день или в наступающих сумерках. Примечательно то, что это состояние передавалось целостно, без лишней проработки деталей.

Особенно больших успехов достиг Кощевский в жанре портрета, что отмечалось всеми его исследователями и рецензентами. К примеру, известный в эмиграции журналист Л. Арнольдов писал в 1939 г. в одной из рецензий, что у Кощевского "...китайские портреты, хотя и написаны в своеобразной манере, в плоскостном ракурсе, поражают жизненностью и отнюдь не могут быть упрекаемы в отсутствии индивидуальности. Больше того, потратив немало часов на обозрение этих портретов, а также вот уже 20 лет всматриваясь в китайские лица, мы позволим себе высказать предположение, что китайское лицо вообще настолько оригинально, что требует к себе индивидуального подхода и ускользает от восприятия механического, даже в объективе, вот почему говорят, что китайцы не фотогеничны. Это, должно быть, и объясняет то обстоятельство, что маслом очень трудно писать китайское лицо, что оно легче удастся тому, кто пишет его карандашом, сангиной, углем, акварельными красками – вспомните рисунки Александра Яковлева, а также очень большие достижения в этой области нашего талантливого шанхайского художника М.А. Кичигина"⁵. Создавая портреты китайцев в технике масляной живописи, Кощевский, таким образом, достиг в этой области блестящих результатов. Надо полагать, что и общение с антропологом Широкогоровым здесь тоже дало свои результаты.

Довольно продолжительный отрезок жизни Кощевские провели и в Харбине, где Николай Лонгинович стал преподавать рисунок и живопись в политехническом институте. В 1949 г., после провозглашения КНР, начался массовый исход оставшихся

Слева: Портрет китайца с трубкой (автор – Н.Л. Кощевский, 1938 г.). *Справа:* Портрет дочери (автор – Н.Л. Кощевский, 1940-е годы).

русских эмигрантов из Китая. Многие семьи уезжали под давлением новой власти. Николаю Лонгиновичу предлагали остаться, так как оценили его преподавательские способности. Кощевские прожили в Харбине до 1952 г., а потом выехали в Австралию с советскими паспортами, не теряя надежды именно там получить визы для возвращения в Россию. В Сиднее сильно заболела Александра Брониславовна, средств на лечение не хватало, и врач-англичанин в качестве компенсации за свои услуги забрал 12 лучших работ Кощевского. Дочь стала учиться в Академии живописи, успела закончить три курса, была даже принята в Союз молодых художников. В 1955 г. семья отправилась с зеленого континента на корабле в Англию, а оттуда – в Россию.

После кратковременного пребывания в Москве Кощевские уехали во Владивосток, где отыскались мать и сестра Николая Лонгиновича, нашли родные и его супруги. Дочери надо было продолжать образование, и она поступила в Ленинградскую академию художеств на факультет теории и истории искусства, вскоре там вышла замуж. С сентября 1955 г. Николай Кощевский работал в Приморском отделении Художественного фонда РСФСР, а в 1959 г. супруги переселились в Брянск, и все последние годы Кощевские провели именно в этом городе. Несмотря на трудности, связанные с тяжелой болезнью, а затем и смертью супруги, Николай Кощевский продолжал заниматься любимым делом. В 1964 г. в Брянске состоялась персональная выставка его работ, на которой были представлены не только новые (а таких было большинство), но и работы, созданные в китайский период его жизни. Выставка показала, что художник не оставил так любимого им жанра – портреты А. Твардовского, В. Терешковой, Н. Матвеева-Бодрого, А. Алтаева и других известных в стране деятелей культуры привлекли внимание зрителей. Выставка привлекла и внимание рецензентов. "После возвращения на Родину Кощевский много работает, с большой любовью пишет портреты своих соотечественников... Сейчас Николай Лонгинович Кощевский находится на пенсии, но он полон творческих сил. На общественных началах он продолжает консультировать занятия скульптурно-художественной студии Брянского Дворца пионе-

ров, руководит занятиями художественного кружка 46 Брянской школы", – отмечалось в одной из статей о нем (*Тропанова* 1964: 61).

Судьба отпустила художнику Николаю Лонгиновичу Кощевскому ровно 65 лет, и ни одним днем больше. Он умер 5 декабря 1966 г. – в тот же день, что и родился. В заключение нашего короткого рассказа следует еще раз отметить следующее. Авторам статьи удалось отыскать в Санкт-Петербурге дочь Николая Лонгиновича Наталью Николаевну Кощевскую, благодаря которой мы многое узнали об этом удивительном человеке. Выражаем ей за это нашу глубочайшую признательность. В беседах при нашей встрече в 2005 г. Наталья Николаевна посетовала, что работы отца, сохранившиеся в их мастерской, могут пропасть. Одному из авторов этой статьи удалось привлечь внимание работников Приморской картинной галереи во Владивостоке (где Кощевский, собственно, и начинал творческую деятельность) к коллекции работ художника. В результате переговоров и работы экспертов эта коллекция в конце 2006 г. была приобретена галереей. Мы надеемся, что скоро, после проведения реставрационных работ, работы замечательного художника Николая Лонгиновича Кощевского смогут снова увидеть тысячи любителей искусства.

Примечания

¹ Видимо, относительно даты встречи Гуревич ошибся – их встреча и знакомство могли произойти в 1915 или даже в 1916 г., а годом раньше, как известно, Широкогоров занимался антропологическими исследованиями в Кубанской области. Как удалось выявить из архивных материалов, Борис Бенцианович Гуревич (род. 22 февраля 1887 г.) был родом из Кременчуга. После окончания школы работал у своего дяди-торговца в магазине в г. Мелитополе. В 1905 г. выехал в Маньчжурию, в Харбин и там поступил работать на водочный завод. В 1906 г. открыл собственное дело (водочный завод), в 1908 г. – перевел его в Цицикар, затем в 1910 г. – в Сахалин, где работал до 1918 г., после чего вернулся в Харбин. В 1910–1914 гг. находился в Сахалине в качестве доверенного по спиртовому делу от заводчика Окуня. В 1916 г. открыл в Харбине свою кожаную и обувную контору по эксплуатации товаров в городах Сибири.

² Станица Черняево основана в 1859 г., находится на левом берегу Амура в 108 км от районного центра Магдагачи Амурской области.

³ Правильно – Цинхуа.

⁴ Так называли в 1930–1940-е годы в Китае японский язык.

⁵ Отрывок из статьи Л. Арнольдова в газете "Шанхайская заря" за 1939 г. К сожалению, более подробной информации о выходных данных из сохранившегося обрывка газеты выявить не удалось.

Источники и литература

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 44228. Л. 12.

Гуревич 1940 – *Гуревич Б.Б.* Светлой памяти проф. С.М. Широкогорова. К первой годовщине его смерти // *Заря*. Харбин, 1940. 19 ноября.

Заря 1940а – Выставка картин худ. Н.Л. Кощевского // *Заря*. Харбин, 1940. 30 сентября.

Заря 1940б – *Заря*. Харбин, 1940. 7 июля.

Заря 1942 – Харбин интересен своим бытом, типами и архитектурой. Наша беседа с художником Н.Л. Кощевским // *Заря*. Харбин, 1942. 5 сентября.

Тропанова 1964 – *Тропанова Ю.* Сложный путь // *Художник*. 1964. № 10. С. 61.